

ОЛЕГ СЕЛИВЕРСТОВ

МАЛИНОВАЯ ШАРЛОТКА

роман

Олег Жоржович Селиверстов

Малиновая шарлотка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6564678
Селиверстов О. Ж. Малиновая шарлотка: Лесто; Н. Новгород; 2005
ISBN 5-7628-0362-7

Аннотация

Автору удалось соединить в романе, казалось бы, несовместимое: блеск ножей, тонкую эротику, изысканную кулинарию и, конечно, любовь...

...Ее обнаженное тело лежало перед ним. Без движений. Без слов. Без суеты. Тихо и смиренно. Он смотрел на бледные очертания и думал. С чего все началось? Может быть, с того случайно подслушанного телефонного разговора в середине апреля...

Содержание

Июнь	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Селиверстов

Малиновая шарлотка

«...Теперь же о своих правах заявила любовь, всегда более жестокая и непреклонная, чем голод».
Джек Лондон. «Белый Клык»

Июнь

Желто-зеленые круги, поднимавшиеся из темноты сознания, вдруг превратились в ослепительную вспышку. Валентин дернулся и проснулся. Даже, скорее, очнулся. По глазам больно резанул яркий свет. Видимо, сон все-таки свалил его, и люстра осталась невыключенной. Часы показывали половину второго ночи. Он несколько минут лежал без движений, прислушиваясь, и когда понял, что в квартире никого нет, невольно застонал. Никого. Диана еще не вернулась. Валентин вылез из-под покрывала, набросил на плечи халат и побрел на кухню. Хотелось чего-нибудь пожевать и выкурить сигарету. Вдруг поможет опять уснуть?

Яркий свет пугал. Он включил подсветку над столом и, пока чайник закипал, убрал в ящик оставшуюся с ужина посуду. Потом достал чашку для чая, с сожалением посмотрев на лежавшую на полке коробку конфет. Его любимые шоколадные трюфели. С привкусом кофе капучино. Но шоколад было нельзя. Может быть, съесть бутерброд с ветчиной?

Кухонный нож, поблескивая широким лезвием, легко отрезал ровные красноватые ломтики пряной монтильской ветчины, которые плавно ложились друг на друга, образуя лесенку. Вдруг Валентин остановился и отложил нож. Она что, не понимает, как нестерпимо тяжело ждать? Он подошел к окну и закурил. Дым от «легкой» сигареты нехотя поднимался в духоту июньской ночи. Все-таки в «суперлайтс» слишком слабый табак. Слишком...

На небе сквозь бледно-серые занавески облаков просвечивала луна. Неясным, размытым пятном. А ведь с Земли никогда не видно ее обратной стороны, припомнил Валентин. Стороны, всегда темной и пугающей, как невидимая сторона человеческой души. Тоже никому не известная. Если вытащить на свет всё, что там спрятано, то, наверное, можно ужаснуться. Валентин сделал глубокую затяжку и усмехнулся. Интересно, если все в этом мире имеет две стороны, то что тогда творится на «обратной» стороне доброго человека? Или целомудренной женщины? Ночью. Среди искушений большого города. Он невольно посмотрел на часы. Два часа ночи! Стон вместе с дымом вырвался из его груди.

«Нет, ты не прав, – поправил он тут же себя мысленно. – Надо успокоиться. Она же предупредила, что задержится. Позвонила около восьми вечера и сказала, что если он не против, то она зайдет с девчонками в бар, обсудить кое-что “по работе”, и придет поздно. Поздно...»

Закипевший чайник отвлек его от мрачных мыслей. Валентин достал чашку, положил в нее пакетик чая и залил кипятком, понаблюдав, как прозрачная вода превращается в зеленовато-коричневую. Эту чашку им подарила ее мама. На ней кот и кошка, обнявшись хвостами, сидят на крыше и смотрят на звездное небо. «Представляешь, а если это не кошка и кот, а два кота?» – со смехом предположила однажды Диана. «Ну и пусть, лишь бы им было хорошо», – ответил он тогда.

Да, им, котам, всегда хорошо. Сидят себе на крыше и никого не ждут.

С улицы донесся звук подъехавшей машины – хорошо знакомое, хрипловатое урчание «Мазды». «Когда получу гонорар за статью, надо будет заменить глушитель», – подумал Валентин и взял нож. Рука почувствовала холод металла. Немецкая сталь «хенкельс».

Нержавеющая. С тяжелой клепаной ручкой. С таким ножом сразу ощущаешь себя сильным. Он отрезал еще ломтик ветчины. Красноватой и пряной.

Входная дверь жалобно скрипнула. Послышался стук сбрасываемых босоножек, щелканье выключателя и шлепанье босых ног по паркету.

– Почему ты не спишь? – Диана стояла в проходе кухни и вопросительно смотрела на него своими большими и чуть раскосыми глазами. – И почему без света?

– Хочешь чаю?

– Нет лучше налей мне холодный сок. – Она обняла его и чмокнула в шею. – Пойду приму душ. На улице такая жарница. А у меня что-то кондиционер барахлит в машине.

Через несколько минут Диана снова появилась в кухне.

– Ой, как хорошо. Теперь и жить можно, – воскликнула на, стряхивая длинные волосы. Черные и мокрые.

Увидев ее, обернутую в полотенце, Валентин почувствовал, как откликнулись его мышцы.

– Спасибо, – Диана взяла сок, поддерживая одной рукой полотенце.

– Как провела время?

– Очень хорошо. Просто чудесно. Столько всего полезного обсудили.

– Что за девчонки? – Валентин взял тряпку и стал протирать лезвие ножа.

– Ты их не знаешь. Они только что устроились к нам работать. Молоденькие, но такие толковые. – Диана допила сок и поставила стакан в раковину. – А ты чего не спишь? Опять меня ждал?

– Да нет...

– Ждал, ждал, ждал. Сразу видно – надулся и молчишь. Перестань, Валентин. Я же тебя предупредила, что сегодня мне надо обязательно обсудить кое-какие рабочие моменты в неформальной обстановке. Ты же знаешь, как для нашей компании и для меня лично важно получить этот контракт.

– Только контракт? Тогда это действительно очень важно.

– Ты что, мне не доверяешь? – она сделала попытку его поцеловать.

– Доверяю, – резко отдернулся Валентин. – И я тебя не ждал, просто проснулся и решил выпить чай.

– Хорошо. Тогда не буду тебе мешать. Тем более что я очень-очень устала и хочу спать. Ты позволишь мне лечь?

– А разве тебе нужно мое разрешение?

– Валентин, это глупо. Когда один человек начинает давить на другого, ничего хорошего из этого не получается. Извини. Предлагаю на этом прекратить разговор. Спокойной ночи.

Диана поправила полотенце и вышла из кухни.

– Спокойной ночи... – отвернувшись, буркнул Валентин, еще раз вытер лезвие ножа и поднес ближе к глазам, чтобы убедиться, что на нем не осталось разводов.

Ее обнаженное тело лежало перед ним. Без движений. Без слов. Без суеты. Тихо и смиренно. Он смотрел на бледные очертания и думал. С чего все началось? Может быть, с того случайно подслушанного телефонного разговора в середине апреля. Всего два месяца назад. Как мало времени прошло, и как все изменилось. Сейчас даже не вспомнишь толком, что за слова уловил тогда его слух. Или даже не слова, а интонации. Ему показалось, что она с кем-то очень ласково разговаривает по телефону, смеется и что-то шепчет. Увидев, что он подошел ближе, она тут же замолчала, и на ее лице промелькнул испуг. Как у ребенка, у которого отбирают опасную игрушку, способную причинить боль.

Именно тогда у него неприятно кольнуло в груди. Показалось, что острый осколок впился в ребра, с внутренней стороны.

Ревность. Какая нелепая вещь! Какая глупость! Трудно поверить, что именно это чувство поселилось под его сердцем и пустило корни в мозг.

Валентин снял халат и лег рядом с Дианой. Провел по ее ноге. Она всегда спала обнаженной. Вот так на боку. Он подвинулся к ней. Погладил плечо, потом спустился на талию, потом коснулся бедра. Только самыми кончиками пальцев. Именно так ей нравилось больше всего. Пальцы повторили движение несколько раз и затем добрались до соска.

– Перестань. Не надо. – Диана сквозь сон отодвинулась и завернулась в простыню. Как в неприступную хлопковую мантию.

Чтобы скрыть разочарование, он крепко сцепил зубы, тихо встал и направился в кухню. Не зажигая свет, достал бутылку кальвадоса, налил больше половины бокала и выпил. Не чувствуя ни запаха, ни вкуса. (Какая разница, чем напиваться в третьем часу ночи!) Потом отломил сигарету до половины и щелкнул зажигалкой. Пламя выхватило из темноты белый рваный обломок, вспыхнувший и тут же превратившийся в тлеющий огонек. Вкус «супер-легкого» табака стал хоть немного ощущаться, но почему-то показался противным и едким. Вкус разочарования, усмехнулся Валентин, затушил сигарету и, достав коробку трюфелей, вытащил одну конфету в серебристой обертке, похожую на свинцовую пулю. Почему нельзя делать то, что хочется? Взгляд уперся в холодный отблеск стали на столе. Немецкая. Нержавеющая. Пальцы смяли конфету и положили на край стола. Надо быть сильным.

Где-то далеко в спящем городе раздавался отрывистый собачий лай.

Масло на сковородке делало плавные круги и таяло. Желтый холодный айсберг быстро превращался в прозрачное, горячее море. Пузырьки струйками поднимались от раскаленной поверхности металла и пенились гребешками волн. Как только айсберг исчез полностью, в шипящее море тут же плюхнулись два ровных куска белого хлеба, похожие на венецианские купеческие корабли, груженные зерном и мукой.

Валентину понравилось сравнение. Венецианские корабли с зерном... Он еще минуту полюбовался бурлящим морем и перевернул «корабли». Масло фыркнуло брызгами и набросилось на хлеб.

Чтобы гренки получились с золотистой хрустящей корочкой, их надо немного подержать на среднем огне, затем, когда они пропекутся, сделать огонь сильным и несколько секунд поджаривать каждую сторону, легко надавливая лопаткой. Тогда гренки останутся сочными внутри и с корочкой снаружи. Этому его научила бабушка, которая всегда жарила гренки, когда он подростком прибежал навестить ее. Только она почему-то называла их «французскими хлебцами». Видимо, потому, что никогда не была во Франции. Валентин с грустью улыбнулся. Еще бабушка всегда давала ему мелочь. «На мороженое...» Хотя наверняка догадывалась, что на самом деле деньги тратились на пиво.

Гренки были готовы. Он взял большое блюдо и бережно переложил их на него. Потом достал ликер «Куантро» и пролил несколько капель на «палубы кораблей». Ликер тут же впитался в горячий поджаренный хлеб, оставив в воздухе аромат апельсина с ванилью. Это добавление к бабушкиному рецепту он подсмотрел в одном ресторане. «Куантро» придавал особый вкус простому утреннему блюду. Всего несколько капель, а как все менялось.

Часы показывали без четверти девять. Вот-вот прозвенит будильник и Диана проснется, а он хотел сделать сюрприз. Приготовить все для завтрака, расставить на столе, а самому уйти пораньше в библиотеку. Он открыл банку кленового сиропа и стал перекладывать его в стеклянную вазочку. Темно-золотистая струйка стекала с ложки медленно и неохотно. Валентин замер и закрыл глаза. Вот так же, медленно и неохотно, этот горьковатый засахаренный кленовый сок однажды стекал на его живот. Они завтракали, и вдруг Диана

окунула палец в банку и, хитро улыбаясь, провела пальцем сначала по его губам и шее, потом распахнула ему халат и стала намазывать соски, пупок, спускаясь все ниже и ниже. А когда закончила, начала, смеясь, облизывать все это. Кленовый сироп был прохладным и терпким, а ее язык теплым и озорным... Валентин открыл глаза, прогнав от себя истому воспоминаний. Потом, не удержавшись, засунул ложку в рот и жадно облизал остатки сиропа, коснувшись зубами металлических краев. Зазвенел будильник. Валентин поправил утренний натюрморт на столе, взял портфель и вышел из квартиры, бесшумно закрыв за собой дверь.

До библиотеки было недалеко, поэтому он решил пройти пешком. Прогуляться. Проветриться. Постараться освободиться от мыслей, которые после бессонной ночи извивались и скрючивались в голове, как корни гигантского дерева, росшего на обрыве. «Кривые и спутанные. С налипшими кусками песка и глины», – повторил про себя Валентин. Как он мог дойти до такого? Из взрослого мужчины превратиться в слабака, который каждый раз собирается заставить женщину подчиниться, но при виде ее все прощает и со всем соглашается. В ней же нет ничего особенного?! Крупная грудь, широкие и крепкие бедра, немного угловатое лицо. Валентин усмехнулся, вспомнив, что когда первый раз увидел Диану, то назвал про себя «спелой». Она даже не понравилась ему. Далеко не современный идеал красоты. Скорее, что-то в стиле Мэрилин Монро или полнотелых героинь индийских кинофильмов. И к тому же она была вызывающе одета. В яркой юбке с высоким вырезом.

Несмотря на утро, на улице было уже жарко. Разгоряченный асфальт, не успевший остыть за ночь, парил теплом и гудроном. Валентин почувствовал, что ему не хватает воздуха. Он пересек улицу и пошел вдоль ограды парка. Стало легче. Листья деревьев окутывали тенью и прохладой. В глубине парка, за чугунными прутьями садовник постригал зеленые лужайки. В ровных клумбах веселились желтые и сиреневые цветочки. Затерянный рай. Вот что значит вовремя ухаживать и поливать. Валентин горько улыбнулся. Почему он должен страдать, мучиться, не спать, когда вокруг такая красота? Да... Пора перестать постоянно думать об одном и том же, пора брать себя в руки и начинать нормально работать. Закончить статью, начать книгу, доработать лекции. И надо больше улыбаться, говорят, это очень помогает. Валентин прибавил шаг.

Статью, а точнее серию статей про холодное оружие ему заказал известный научно-популярный журнал. Это была его первая работа такого рода. Раньше он писал только в составе коллектива авторов. Довольно удачно. Несколько работ вошло в исторические сборники, и ему ежегодно переводили на счет гонорары за переиздание. Хотя по образованию он был историк-педагог, но сам себя называл историк-журналист, потому что любил изучать необычные темы. Например такие, как в этот раз, про холодное оружие средневековья – мечи, ножи, топоры. Это было интересно и незатасканно. Поэтому он согласился на предложение журнала. Правда, прошла уже пара недель, а статья никак не получалась. Не было идеи, которая могла бы сделать скучный материал увлекательным и стильным.

Ограда парка уперлась в перекресток. Спасительная тень закончилась. Снова стало жарко. В затылке появилась тупая боль, и начали ломить и слезиться глаза. Валентин остановился у входа в магазинчик, где козырек над дверью давал пусть небольшую, но тень. Что такое случилось? Утром проглотил всего ложку сиропа – и опять. Совсем ничего сладкого стало нельзя? Наверное, надо посетить доктора.

Он достал капли, и, сняв солнцезащитные очки, закапал в глаза. Стало легче, но от лекарства все вокруг расплылось. Как под водой. В портфеле требовательно пикнул мобильный телефон, который пришлось поднести близко к глазам, чтобы прочитать размытые буквы.

«Ты лучший. Ты бесподобный. Я тебя люблю. И кленовый сироп тоже. До вечера. Целую». Он перечитал сообщение еще раз. «Целую»... Во рту почувствовался вкус пере-

жженного клена. Может быть, все дело в ее загорелой талии с упругой кожей и двумя шариками пирсинга в пупке?

Положив телефон в портфель, Валентин собрался двинуться дальше, но замок никак не закрывался. Заело. Пришлось нагнуться, чтобы посмотреть, в чем дело. В этот момент дверь магазинчика открылась, и он почувствовал, что теряет равновесие от удара в бок. Портфель шлепнулся на асфальт.

– Ох. Извините, – кто-то схватил его за руку.

– Что вы, это вы извините меня.

Он попытался поднять замутненные каплями глаза, но от резкого движения вдруг закружилась голова.

– Что с вами?..

Вода была холодная и газированная. Темно-синяя aqua с заснеженных пластиковых гор, уходящих белыми пирамидами в небо. Разве горы могут быть пластиковыми? А где портфель? Валентин испуганно открыл глаза. Перед ним стоял мужчина с аккуратной седой бородкой.

– С вами все в порядке? Может быть, вызвать «скорую помощь»?

– Нет-нет. Все в порядке, – поспешно ответил Валентин, обратив внимание, что сидит на стуле в магазине.

– Неудивительно, что вам стало плохо. Уже неделю стоит такая жара. Тут не то что в обморок, тут и сердечный приступ получить недолго. Вот ведь какие дела.

Через несколько минут Валентин окончательно пришел в себя. Видимо, он в самом деле чуть не упал в обморок. Сказывалась бессонная ночь.

– С вами действительно все в порядке? – еще раз озабоченно переспросил его хозяин магазина.

– Да, спасибо. А это что – книжный магазин? – Валентин вдруг осознал, где находится. Небольшое пространство вокруг было заставлено полками с книгами.

– Не просто книжный, а букинистический, – гордо ответил мужчина и хмыкнул: – Ну и времена наступили. Открытие книжного магазина уже вызывает удивление. Вот дела. Скоро люди совсем перестанут читать. А будут только смотреть телевизор и разговаривать по телефону. Вам лучше?

– Да. Спасибо. Все в порядке.

Валентин встал. Он вспомнил, что раньше здесь находился другой магазин. Продавали какую-то модную одежду.

– Хороший магазин, – произнес он вслух. – Можно, я посмотрю?

– Конечно, конечно. Вы сегодня первый посетитель. Обычно так рано никто не приходит. Только заблудившиеся туристы. Ну и времена...

Книги. Романы. Повести. Стихи. Ровные шеренги разноцветных корешков подписных изданий. Толстые, но умные справочники. Тощие, но блестящие альбомы. Стопки брошюр и журналов. И запах. Ни с чем не сравнимый запах бумаги и типографской краски. Если провести по корешкам рукой, то сразу переносишься в детство, в то беззаботное время, когда искренне веришь, что в книгах живет тайна и стоит только отрыть страницы – и ты уже далеко-далеко. И ты уже другой. Вокруг тебя начинают происходить загадочные события. Бушуют неведомые моря, которые бороздят бесстрашные корсары на быстроходных парусниках и спасают дочерей благородных лордов. Развешаются флаги рыцарских турниров, на которых прекрасные принцессы влюбляются в победителей. Обязательно влюбляются – независимо от того, красивый рыцарь или нет, бедный или богатый. Это неважно. Важно, что он победитель. Бабушка часто просила его почитать вслух, когда у нее болели глаза. «Фильм – это фантазия режиссера, а книга – это твоя собственная фантазия», – гово-

рила она. Он достал платок и вытер продолжавшие слезиться глаза. Капли помогли, но ненадолго. Наверное, это у них семейное – проблемы с глазами.

На одной из полок он увидел подарочное издание Шекспира в тисненном кожаном переплете, оформленном вензелями. Матовая, под старину бумага. «Трагедии»: «Гамлет». «Отелло». «Ромео и Джульетта». Гениальная классика. Рядом с ними стояла невзрачная обложка другой книги. Валентин взял ее в руки. «Средневековое холодное оружие Италии».

– Это очень редкий экземпляр, изданный ограниченным тиражом, – послышался рядом голос хозяина. – У меня книга оказалась совершенно случайно, можно даже сказать, по загадочному стечению обстоятельств. Берите, не пожалеете. Вам как первому покупателю сделаю скидку, – продолжал он, видя, что Валентин с любопытством перелистывает страницы.

Расплатившись за книгу и поблагодарив хозяина, Валентин осторожно спустился по ступенькам магазинчика и направился в кафе через дорогу, чтобы позавтракать и выкурить сигарету. Примостившись за столиком у окна и заказав стакан свежесжатого апельсинового сока, чай и сандвич с сыром, он обнаружил, что кроме него в зале только одна посетительница, сидевшая за столиком напротив. Это была молодая женщина в больших темных очках и легком платке, повязанном вокруг головы и шеи, как носят обычно мусульманки. Но она не мусульманка, – Валентин разглядел светлый цвет кожи. Просто модница. Увидев его пристальное внимание, посетительница отвернулась к окну. «Даже не улыбнется», – почему-то взвырало его мужское самолюбие. Или у меня совсем помятый вид? Официант принес сок, прокомментировав с вежливой свежееутренней улыбкой: «Ваш фреш орандж джус». Валентин поблагодарил и углубился в купленную только что книгу, открыв ее на первой попавшейся странице. «...Итальянский кинжал, или короткий меч «ЧИНКВЕДЕА», имеющий клинок с широким треугольным, конусным лезвием, обычно применялся в ближнем бою. Им также часто пользовались как священным оружием при родовой вражде или любовной мести. Основным местом изготовления был город Верона».

На вид кинжал был забавным. У рукоятки лезвие достигало в ширину пять пальцев и два пальца в толщину. Но если такой «забавный» нож вопьется в спину, в рану можно будет засунуть кулак. Валентин поежился.

«Мечь – это блюдо, которое надо подавать холодным», – вспомнил он фразу, которой рекламировали фильм про женщину-убийцу. И не просто холодным, а ледяным, как этот «орандж джус», от которого стынут зубы.

Его пальцы перелистывали страницы, а глаза отмечали интересные заголовки. Изумительная книга. «Чинкведеа» – такое название ему еще не встречалось. Он допил сок из запотевшего бокала и огляделся.

Незнакомка в платке, склонив голову, изучала содержимое своего блюда – какого-то пирога. Она осторожно отрезала кусочки десертным ножиком, разглядывала, насаживая на вилку, и только потом отправляла в рот, на секунду обнажая зубки.

А ведь и правда, ножи повсеместно находятся рядом с нами. Как продолжение наших зубов (клыков) и когтей, которые укоротила природа. Валентин развеселился от пришедшей в голову неожиданной мысли. Может получится неплохая подборка статей! Вот она, изюминка! Ножи и люди. Холодная сталь и горячие чувства. Ревность, любовь, ненависть. Каким кинжалом заколола себя Джульетта в отчаянии? Никто ведь и не задумывался. Вот сидит сейчас эта загадочная женщина в платке, отрезает ножиком пирог и не знает: может быть, и в ее судьбе это оружие будет роковым? Ему захотелось встать и поближе рассмотреть одинокую посетительницу. Надо пройти до туалета. Но не прямо, а немного вбок, чтобы проследовать мимо ее столика. Почему она так демонстративно игнорирует его? Вставая, он заметил, что ей позвонили. Она отодвинула тарелку с пирогом и, достав из сумочки, которая лежала рядом на стуле, телефон, что-то ответила.

Проходя мимо, Валентин разглядел, что пирогом была шарлотка. Яблочная. Со взбитыми сливками и листиком мяты. На вид женщине было около тридцати.

– Ой, простите... – заглядевшись, Валентин не заметил, как задел стул. Стоявшая на нем сумочка свалилась на пол. – Простите. Я такой неуклюжий, – он нагнулся, чтобы поднять упавшую вещь, но женщина поспешно сделала то же самое. Они так и подняли сумочку, держа с двух противоположных концов.

– Простите великодушно, – продолжил извиняться Валентин, пытаясь проникнуть взглядом через темные стекла очков, но ничего не увидел, кроме отражения своей виноватой улыбки.

– Не стоит. Все в порядке... – тихим голосом ответила она и тут же повернулась в сторону окна. За стеклом припарковывался «Лексус», показавшийся Валентину большим белым кораблем, непонятно как заплывшим в этот тесный переулок.

– Отпустите, пожалуйста, сумку. Мне надо идти. До свидания.

Женщина, бросив на стол деньги, торопливо вышла из кафе. На ней были короткое платье и босоножки с веревочками вокруг голени. Как у древних гречанок. Она исчезла за бесшумной дверцей автомобиля, который медленно отчалил от тротуара и поплыл куда-то. Через затемненные стекла нельзя было разглядеть, есть в нем еще кто-нибудь или нет.

Кажется, у нее дрожал голос? Как будто она плакала или собиралась плакать, подумал Валентин. Странная посетительница! Женщина-призрак, похожая на гречанку, унесенная белым кораблем.

Пальцы лениво касались выцветших страниц, переворачивая их и ощущая пыльность времени. Древние рукописи. Сколько людей трогало их, пользовалось ими и бросало их? И это явно были в основном мужчины. На миг ему показалось, что в старинных книгах живет что-то развратное. Валентин попытался сосредоточиться на содержании рукописи, но мысли почему-то перетекли в другую сторону. Неужели и у людей с дорогими автомобилями бывают проблемы? – в памяти всплыл «Лексус» и босоножки с веревочками. – Хотя все люди одинаковы. Хотят есть, пить и заниматься любовью.

«Заниматься любовью...» Он вдруг почувствовал, что в зале библиотеки стало невыносимо душно. Казалось, мозги начинают свариваться, а голова наливаться свинцом. Когда что-то не получается, лучшее решение – это вернуться домой и лечь спать. Валентин, покачиваясь, встал, собрал в коробку цветные карандаши, которые всегда брал с собой, чтобы делать пометки.

Ножи и судьбы людей – интересная идея!

Воздушные профитроли с шоколадными потеками на румяных боках, упакованные в подарочную коробку с блестящим бантом, казались рождественским подарком. Для Дианы, когда она вернется с работы, это будет сюрприз! Маленький вкусный праздник.

Покупка пирожных вернула Валентина в хорошее расположение духа, поэтому после кондитерской он заскочил в винный магазинчик за бутылкой белого эльзасского рислинга, за сыром и свежим хлебом. Все, что надо для легкого приятного ужина вдвоем.

Но ужин не получился. Когда ближе к вечеру он проснулся, то нашел сообщение от Дианы. Она не могла дозвониться, поэтому написала, что срочно должна уехать навестить маму, у которой проблемы со здоровьем. «Я тебя люблю, ты лучший. Перезвони». Ее мама жила в маленьком провинциальном городке в трех часах езды. Жила одна. Они развелись с отцом Дианы очень давно, после какой-то автомобильной аварии.

Валентин перечитал сообщение несколько раз и почувствовал, что его начинает поташивать. Наверное, из-за короткого дневного забытья, – решил он, с трудом добравшись до кухни, где убрал в холодильник коробку профитролей с бантом и набрал номер Дианы. Связи

не было. Сбросил СМС. Подождал несколько минут. Понял, что ответа не будет, и решил позвонить ее маме, чтобы узнать, что случилось. Когда мама взяла трубку, он вежливо спросился о здоровье и поинтересовался, не приехала ли еще Диана. Мама ответила, что ее нет, и что она будет не раньше чем через два часа, и что, может быть, врачи зря пугают, и что у них дожди, и что-то еще, во что Валентин не вникал, а попросил, чтобы Диана сразу же перезвонила, как приедет, а то с ней почему-то нет связи. Только сразу же, повторил он.

– Не волнуйся, Валентин. Обязательно передам, – твердо пообещала мама на прощанье.

Диана перезвонила через час.

– У меня все в порядке, – услышал он ее далекий голос. – До маминого захудалого городка осталось совсем недалеко, но ехать приходится не так быстро, как хотелось бы – идет проливной дождь. Извини, пожалуйста, что долго не отвечала, но ты же знаешь, что я стараюсь не говорить по телефону за рулем. Тем более в такую погоду. Я только что оставилась, чтобы заправиться бензином. Хотя, представляешь, ничто не предвещало дождя, светило милое солнышко, и вдруг как налетит ветер, как навалится гроза. Жуткое зрелище. И полило, полило, полило. Как ты сам?

– Все в порядке, – бодро ответил он. – А ты что, поехала не одна?

– Одна. А почему ты так подозрительно спрашиваешь?

– Мне показалось, что в машине разговаривает мужчина.

– Не волнуйся, глупый. Это парень на заправочной станции. Ну все, пока. Приеду к маме – сразу перезвоню. Целую.

– Не гони быстро...

В трубке раздались короткие гудки.

«Парень с заправочной станции»? Валентин налил чай, плеснул туда немного кальвадоса. Взял в руки купленную утром книгу и стал читать. Буквы бежали перед глазами. Секунды бежали на часах. Буквы заполняли страницы. Секунды заполняли ожидание.

* * *

Если у тебя много одежды, никогда не знаешь, что именно выбрать. И поэтому каждый раз начинаешь нервничать, кажется, что совсем нечего надеть. Натали сидела на кровати и смотрела на вещи, разбросанные по комнате. Хотя какая разница. Просто все надоело. Эта жара. Эта пыль. Эта пустая квартира. Она отбросила короткое платье в стиле Шанель. Но нет. Сегодня она не будет грустить. У нее все хорошо! Мир прекрасен и удивителен! Она наденет новые бриджи и недавно купленные босоножки. Вот эти – с тесемочками. Короткую майку. И... пойдет пить кофе. Большой бокал латте. С пенкой и корицей. В то дешевое кафе, в переулке. Пойдет пешком, через парк. Вот только повяжет голову легким шелковым платком. На манер андалузской мантильи, чтобы не возиться с прической и заодно прикрыть плечи. На таком солнце даже утром можно обгореть.

Она оделась и села перед зеркалом, чтобы только покрасить губы. Этого достаточно. Июнь. Утро. Бледно-оранжевая как раз подойдет.

«Мама! Смотри. Эта помада похожа на персиковый джем. А вот эта – на варенье из сливы!» – всплыли в голове слова дочери, восторженно сказанные однажды, когда они вместе собирались на прогулку. Сколько ей было тогда? Наверное, лет пять или шесть. Она повернулась и взглядела в фотографию на стене. Здесь она уже гораздо старше. Первый класс. Белые банты и озорная улыбка. Слеза как-то сама собой скатилась по щеке. Ну вот... Натали резко встряхнула головой, порывисто встала, повязала платок и через минуту уже была в жарких объятьях улицы.

Медленно идти по парку было просто одно удовольствие. Дорожка петляла среди высоких коренастых деревьев и зеленых лужаек, то подбираясь к клумбам с цветами, то убегая от них. Ослепительные краски солнечного дня, преломляясь в защитных линзах очков, становились матовыми, приглушенными. Томными, нашла точное определение Натали и глубоко вздохнула. Трава. Много травы. Запах тысяч зеленых стебельков, упругий и молодой, проникал под кожу и будил желание. Неосознанное и смутное. Как у той юной девочки в короткой юбке, которая когда-то, прохаживаясь по парку, каждый раз оказывалась у скамейки, где сидели взрослые парни. Правда, парк был другой, и парни были другими. Чаше с гитарами, а не с велосипедами, как сейчас. А прошло-то всего лет пятнадцать-шестнадцать.

Дорожка повернула, и Натали оказалась перед выходом. За острыми копиями чугунной ограды бурлил другой мир – сновали автомобили, торопились люди. Там было тесно и душно.

В кафе она заказала кофе-латте и кусок шарлотки, который долго изучала, отрезая маленькими кусками и пытаясь понять, как у повара получается такая пышная и хрустящая корочка. Как безе. Она тоже вчера пыталась испечь такую же, но вышел какой-то клеклый пирог. Хотя все пропорции и ингредиенты точно соответствовали рецепту, и духовка была разогрета точно до указанной температуры, и таймер выставлен на заданное время. Но хрустящей корочки не получилось. Видимо, чего-то не хватало. Чего? Натали легко постучала десертным ножичком по краешку шарлотки. Зажаренно-воздушный. Волшебство какое-то?!

Она поправила платок, взяла чашку с латте пальцами с двух сторон и отхлебнула теплую сладкую пенку. Вкусно. Жалко, что нельзя от удовольствия громко помурлыкать. «Все-таки Нина неправа – совсем неплохое кафе. Пусть дешевенькое, но шарлотка и латте превосходные, – вспомнилось ей недавнее посещение этого заведения с подругой. – Это у нее от зависти и бедности. Ей просто не повезло. Пока», – поправила себя Натали, искренне желая счастья своей подруге детства. Она отложила ложку и с сожалением отодвинула остатки шарлотки подальше от себя, чтобы не поддаваться искушению их доесть. Что ни говори про душу и ум женщины, мужчины сначала смотрят на тело.

В чисто вымытые стекла было видно, как через дорогу у книжного магазинчика напротив остановился мини-вэн, из которого, играя, высыпали трое детей – двое мальчиков и девочка.

Совсем не смотрят на дорогу, – не успела забеспокоиться Натали, как из машины выскочил перепуганный папаша и бросился их собирать, награждая тумаками и подзатыльниками.

Хорошо, когда дети здоровы, – улыбнулась Натали и стала размешивать остатки белой пенки, которые никак не хотели тонуть в кофе. Ложка плавно двигалась по кругу, изредка стукаясь о стенки бокала. Тихо и печально.

Нет, сегодня она будет жизнерадостной и бодрой, – поправила непослушную челку Натали. – Тем более что надо еще проехать в другой район города, чтобы все-таки найти и купить специальный словарь для технических переводов.

Она допила кофе и, вздохнув, съела еще кусочек пирога. Совсем небольшой.

А такую хрустящую корочку, как у этой шарлотки, она обязательно научится готовить. Даже если десять раз придется ходить на рынок за яблоками.

* * *

Усталость и растерянность. Вот что увидел Валентин в глазах Дианы, когда она в субботу поздно вечером вернулась от матери. Он пытался разглядеть в них еще что-нибудь, но мешали паутинки красноватых прожилок, появившиеся от долгого напряжения.

Она подала ему мокрый зонт и промолвила:

– Привет. Как дела? – и, не дожидаясь ответа, оперлась о его плечо, сняла туфли. – В этих высоких каблуках так неудобно водить машину. Ноги отваливаются. Забыла переобуться в тапочки без каблука.

– Привет.

Капли дождя, извиваясь, стекали на пол.

– Ну и дорога мне сегодня выпала. Хуже не придумаешь. Диана встряхнула волосы. – Все время моросил дождь. Мелкий-мелкий, противный-противный. Ничего не видно. А уже перед самым городом вообще чуть не попала в аварию. Представляешь, какой-то бешеный грузовик так неожиданно выскочил на встречную, что я еле-еле успела увернуться.

– Будешь ужинать? Я приготовил рыбу.

– Спасибо. Ты такой чудесный. Заботливый. – Она прижалась к нему на мгновение и проскользнула мимо. – Ты простишь меня, если я выпью только бокал вина и лягу? Дорога и дождь меня так измотали... Есть совсем не хочется.

На полу остались следы от ее мокрых ног.

Валентин раскрыл зонт и поставил в угол, чтобы он до утра высох.

– Ты купил моих любимых профитролей! – донеслось до него с кухни. – Я их завтра возьму на работу. Ты не против?

– Нет, не против. Как мама?

– Ой, не спрашивай. Эти пожилые люди... Чуть что – сразу в панику. И эти доктора... – начала рассказывать Диана, потом вдруг ее голос надломился и замер.

– Диана, – ответа не последовало. – Диана... Что случилось?

– Ничего страшного, – услышал он в ответ, когда вошел в кухню. Она сидела за столом как-то прямо и неестественно. – Просто мама сильно постарела. Как летит время. Быстро-быстро-быстро...

– Да, – скомкано получилось у него.

– И незаметно. Представляешь, мне уже скоро тридцать, а ты ведь гораздо старше меня.

– На целых восемь лет.

Он сел напротив, налил в бокалы вина и взял ее руку.

– Все будет хорошо. Главное, что я тебя люблю. – Он поцеловал ее пальцы. Холодные и безжизненные.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю. Прости еще раз, что не составлю тебе компанию. Пойду лягу. Приходи, побудь со мной, пожалуйста, пока я не усну, а то мне что-то зябко. Плохо засыпать одной.

Диана уснула, крепко сжимая под простыней его руку. Он сидел рядом, ощущая пальцами ее теплую кожу. Странно. Почему ему постоянно хочется эту женщину? Даже сейчас, когда она усталая и расстроенная, он все равно думает о ее теле. Валентин почувствовал, что напрягся и занервничал. Надо пойти выпить вина и что-нибудь съесть. Высвобождая руку, он нечаянно провел по шраму на ее правом запястье. Глубокая полоса, с неровными краями. Диана встrepенулась во сне.

– Что случилось?

– Все хорошо. Спи, спи.

Ужин остыл. Холодная рыба стала жесткой и невкусной. Сыр заветрился. На бурожелтой поверхности выступили масляные слезы-капельки. Только вино, налитое в бокалы, смягчилось и расцвело. Вот уж кому время на пользу – хорошему вину. Валентин взял бокал и сел у окна.

Ветер, обрушивая на землю гроздь дождя, набрасывался на дома и деревья. Казалось, небо хочет мокрым, порывистым языком слизать что-нибудь и поглотить. Ну и погода. Стояла такая жара, а теперь почти ураган. Валентин поежился, представив, как мерзко и сыро

на улице. Да, хорошо, что Диана вернулась. На трассе сейчас, наверное, ужас что творится – одни аварии, а она всегда так гоняет на своей «Мазде». Он улыбнулся, представив, как она спит, допил вино, достал сигареты и закурил, стараясь выпускать дым в вытяжку над плитой – окна были закрыты. Диане не нравилось, когда на кухне оставался сильный запах дыма.

А ему не нравилось, когда она уезжала. Однажды, еще в самом начале их отношений, Диана неожиданно пропала на двое суток, оставив только сообщение: «Не волнуйся. Все в порядке. Вернусь через несколько дней. Целую». У матери ее тогда тоже не оказалось. Он не удержался и позвонил, чем очень взволновал пожилую женщину.

«Я улаживала кое-какие дела... Зачем тебе знать подробности. Это все уже в прошлом... Прости» – всё, что она произнесла после возвращения.

В ту ночь тоже моросил дождь.

...Мальчик, в кроссовках и невероятно широких штанах, стоял у огромной витрины кондитерской, не в силах оторвать взгляд от кусочков, кусков и даже кусманищ всевозможных тортов, разложенных на круглых серебристых подносах.

«Мокко». Кофейно-молочный. Посыпанный крошкой белого шоколада.

«Дижонский сюзпрем». С желе из черной смородины. Розовый, с темно-красными веснушками ягод.

«Сент-анж». Бананово-карамельный. С причудливым вензелем, возвышающимся на бледно-желтой глазури.

Ну и, конечно, его любимый! «Яблочный флан». С золотистыми дольками запеченных яблок. Украшенный горкой взбитых сливок.

И она. Продавщица. Высокая блондинка в короткой юбке. Такой короткой, что когда она нагибалась, протягивая через прилавок покупку, были видны ее трусики. Белые, с тугой резинкой. Казалось, они весело забавлялись, то исчезая, то появляясь, как будто приглашая мальчика к какой-то неизвестной ему игре.

И бабушка, которая берет его за руку и говорит.

– Пойдем, Валентин. Тебе ничего этого пока нельзя. Вот вырастешь, тогда тебе будет можно все.

«Можно все... можно все... можно все».

Валентин повернулся на бок и окончательно проснулся. Усмехнулся, вспомнив сон. Да, все было именно так. В детстве родители не позволяли ему есть много всяких вкусных вещей из-за аллергии. Но бабушка иногда украдкой от них покупала кусок яблочного флана или пирога с клубникой и малиной. Они заваривали чай с мятой и пировали. Хорошая она была, бабушка. Добрая.

Кожа. Какая она неодинаковая на разных частях человеческого тела. Шелковистая на груди и животе, крокодильчатая на костяшках рук, упруго-кожаная на локтях, ранимая под глазами и возбуждающе-целомудренная на внутренней стороне женского бедра.

Валентин растер ладонями отражающееся в зеркале лицо и потом долго плескал на него холодной водой, пытаясь разгладить распутившиеся под глазами за ночь морщины. «Резные узоры старости». Последнее время он стал сам себе не нравиться. Похудел, осунулся, как-то сдал. Раньше переживал от того, что полнел, теперь наоборот. Надо бросать курить и всерьез заняться здоровьем, – укоризненно подумал он, расчесывая волосы. – Иначе где-нибудь потеряешь сознание, как в пятницу, и попадешь, чего доброго, под машину. Грустно умереть в расцвете сил.

Простояв еще полчаса перед зеркалом и приведя себя в порядок, Валентин поехал на рынок, чтобы купить свежих фруктов и овощей.

Он быстро добрался до центра, припарковал машину и окунулся в бойкую базарную толкотню.

Помятые лица продавцов, похмельные взгляды грузчиков, бессонные глаза студентов-дворников – рынок пробуждался. Все суетились, пихались и мешались под ногами. Все таскали ящики, коробки и громыхающие тележки. Все возбужденно готовились. Воскресенье – самый торговый день.

Валентин добрался до рядов с фруктами. Сначала надо купить яблок. Диана любит на завтрак стакан свежеприготовленного морковно-яблочного сока. Прохладного и тягучего, похожего на детское пюре.

Он подошел к прилавкам и стал выбирать. Яблоки должны быть сочными, но не кислыми. Вот как эти, или лучше вот те, где стоит молодая женщина в больших очках. Очки показались Валентину очень знакомыми. Неужели это она, та женщина-призрак из кафе, похожая на гречанку? Только без платка. Валентин забыл про яблоки и стал разглядывать женщину, пытаясь угадать, ее он видел в кафе или нет.

Прямые русые волосы, зачесанные набок. Правильный овал бледного лица. Платье с оголенными плечами.

Незнакомка подняла глаза и, увидев его взгляд, тут же зашагала прочь.

Она или не она? Валентин хотел пойти за женщиной, но случайно задел прилавок, и яблоки посыпались на землю. Они скользили между рук и, больно ударяясь об землю, раскатывались в разные стороны. Да, какая неудача! Вокруг зашумели. Кто-то стал ругаться, кто-то собирать, кто-то смеяться. После того как все закончилось и воцарилось на свои места – незнакомка уже исчезла.

Когда он вернулся домой, Диана сидела перед зеркалом в спальне и причесывалась. В легкой футболке, нога на ногу.

– Доброе утро. Куда ты пропал? – повернулась она к нему.

– Ездил на рынок. – Колыхание футболки заставило Валентина быстро проследовать на кухню. – Сейчас приготовлю тебе сок.

Ему стало неловко за вспыхнувшее желание тут же наброситься на нее. Утреннюю. Только что из душа. Еще не хватало, чтобы она заподозрила в нем сексуально-неуравновешенного типа, думал он, освобождая яблоки от кожуры, нарезаая на четыре части и складывая в соковыжималку. Хотя чему удивляться? У нее такая соблазнительная грудь. Почему она ее стесняется? Таким формам позавидовала бы любая молоденькая девчонка.

Валентина очень привлекала в Диане именно какая-то непропорциональность. Как в изображениях нимф на древнегреческих амфорах. Тонкая талия и сильная округлость бедер. Женственность и воинственность. Наверное, именно такими были амазонки. Недаром она регулярно занимается шейпингом и два раза в неделю ходит в танцевальную студию. Такую фигуру надо беречь и держать в тонусе.

– Спасибо! – с восторгом воскликнула она, когда он появился в спальне, торжественно держа перед собой поднос с бокалом сока. – Ой, какая прелесть!

Откинув волосы и зажмурив глаза, Диана начала медленно пить сок, раскрываясь с каждым глотком, как цветок на встреч у солнцу. Сначала чуть запрокинула голову, потом освободила ноги, развела колени.

– Как вкусно...

Она казалась лесной богиней, случайно проснувшейся в городской квартире. Волосы, отливая черным шелком, спадали на плечи, футболка задралась, приоткрыв бархат внутренней поверхности ног. Валентин поставил поднос на столик, опустился на одно колено и поцеловал этот «бархат». Диана продолжала пить сок, не открывая глаз. Валентин поцеловал еще и еще.

– Ты мне мешаешь. – Она, хихикнув, опустила руку, пытаясь прикрыться. – Перестань. Но пальчики дрогнули, выдавая хозяйку и ее сокровенное.

Закончилось все неожиданно быстро. Не успел Валентин почувствовать, какая она восхитительная, мягкая и податливая – там, внутри, – как вдруг тихо простонал и обмяк.

Слабак, обозвал он внутренне сам себя. Слабак и ничтожество.

Ему захотелось вскочить, сбежать, спрятаться. Но ее руки крепко обвили его, не дав сделать это.

– Тихо. Полежи просто так. Не двигайся.

Она гладила его по спине. Без слов, без рассуждений. Просто водила пальцами вверх и вниз. И он был благодарен этому молчанию.

Можно ли насытиться женским телом, его теплом, его запахом, его вкусом? Вряд ли, если ты, конечно, не импотент, но аллергию получить можно. Валентин, сидя перед телевизором, пытался стереть из памяти постельные события утра. Понятно, все так быстро получилось только потому, что он перевозбудился, разнервничался и никакого удовлетворения не получил. Как будто перед тобой стоял накрытый стол с изысканными яствами, а ты взял и наспех набил желудок одним хлебом. Теперь внутри тяжело и противно от сожаления и безвозвратности.

У них же было все прекрасно в постели все два года, как они знакомы. Что случилось? Появилось какое-то напряжение и нервозность.

– Я уехала в салон, – донесся до него голос Дианы из прихожей. – Как закончу, позвоню.

– Хорошо.

По телевизору начался очередной воскресный сериал, прерываемый блоками рекламы, сплошь содержавшей эротические картинки и намеки. Хорошо, что йогурт пока не начали засовывать в трусы. Валентин со злостью нажал на кнопку «Of». Почему женщинам надо обязательно в выходной на целый день уезжать в салон?

Диана практически всегда носила распущенные волосы, иногда делая несложную укладку, и объясняла это тем, что пара прошлых экспериментов с короткой стрижкой не принесли желаемых результатов. «Ты же сам говорил, что без ума от моих длинных волос, с которыми постоянно заигрывает ветер...» – с кокетливой улыбкой говорила она.

Да, ему нравились ее волосы. Особенно когда в минуты волнения она начиналаправлять их рукой за ухо. Или когда писала маме письма, почему-то делая это по старинке ручкой на бумаге, а не на компьютере. Или когда в постели они занимались любовью и она оказывалась сверху. Тогда волосы спадали вниз, закрывая ее лицо и плечи и напоминая Валентину сказку про принцессу и волшебный гребень. Улыбка тронула его губы.

А почему бы и ему не сходить в парикмахерскую, а потом, постриженному и неотразимому, не пригласить свою амазонку поужинать? Недавно в центре отрылся недорогой китайский ресторанчик.

Ножницы парикмахера щелкали острым металлическим клювом туда-сюда уже почти час. Даже надоело, раздраженно подумал Валентин и внимательно посмотрел на свое лицо. Зеркало. Тот, кто отражается в нем, даже не догадывается, что порой становится нашим лучшим собеседником. Молчаливым и поддакивающим. Валентин улыбнулся, отражение криво улыбнулось в ответ.

Наконец волосы были вымыты, высушены и уложены. Можно было встать и осмотреть себя с ног до головы. Льняные брюки, туфли-сандалии, рубаша навыпуск, под которой угадывались рельеф остатков мышц и загорелые руки. Все немного широковатое, но ему нравился свободный стиль. И хотя с его высоким ростом и крупным телосложением такие вещи делали его еще более бесформенным, узкие джинсы он терпеть не мог. Все натирало, потело.

Как только девушки носят тесные, обтягивающие джинсы? Гораздо удобнее пуловеры, ветровки и широкие брюки клеш, как у английских моряков в эпоху королевы Виктории.

Валентин набрал номер Дианы.

Телефон не отвечал.

Еще раз улыбнувшись отражению в зеркале, Валентин вышел на улицу.

Диана тоже не любила джинсы. «Я не модель, но у меня хватает ума и денег носить одежду, которая подчеркивает достоинства и скрывает недостатки, – шутливо доказывала она. – Мою пухленькую попку мужчина должен увидеть только в постели, а не разглядывать на улице. Для этого больше подходят платья и юбки. И потом, «под юбку» всегда кому-то хочется «залезть», а в узкие джинсы даже руку не просунешь. Только болваны думают, что мода – это когда ты одет как все. Мода – это подчеркивание своих достоинств. А не наоборот. Скажи, пожалуйста, ну какой соблазнительно кружевной чулочек можно надеть под джинсы? Никакой».

Валентин безоговорочно доверял ее профессиональному мнению в одежде и вообще перестал носить джинсы и узкие пиджаки, когда однажды она похвалила его свободный стиль.

Телефон Дианы опять не отвечал.

Валентин ругнулся про себя, почувствовав неприятную боль в грудной клетке. Опять?.. Спокойно. Надо вернуться домой, лечь на диван и смотреть телевизор. Пусть даже всякую дрянь. Он выкурил сигарету, сел в машину и, увидев, что указатель топлива приближается к критической отметке, решил заехать на заправочную станцию. Включил частоту «Радиорок» и услышал протяжную волну органнх аккордов, в которую врезалось гитарное соло, выводя надрывный рисунок. Мелодия поднималась все выше и выше, становилась мощнее и мощнее, пока не превратилась в гигантское разрушительное цунами.

*You reached the secret too soon,
You cried for the moon.*

«Shine on You Crazy Diamond» – «Пинк Флойд», определил Валентин песню и свою любимую рок-группу. У него уже имелся в машине этот диск.

Пес стоял на задних лапах, сложив передние на животе, и смотрел на Валентина доверчиво и умоляюще. Точнее, жадно взирав на его попку. Потом сделал несколько характерных движений одной лапой и скромно отвел взгляд в сторону, как будто стесняясь своего попрошайнического вида. Но пушистый рыжий хвост с золотистыми разводами все-таки выдавал его нестерпимое желание сожрать хот-дог, который человек держал в руке.

– На, лопай. Хитрюга.

Половина хот-дога шлепнулась на асфальт. Собака быстро схватила добычу зубами и скрылась за углом.

Валентин часто заезжал на эту заправку, которая была в стороне от проспекта, рядом с чудом уцелевшей рощицей. Здесь всегда было мало автомашин и имелась закусочная, где подавали кофе, чай и могли поджарить сэндвич или хот-дог.

Пса он встретил впервые. Необычный. Интересно, он ко всем так артистично относится? Валентин решил понаблюдать.

Из закусочной вышел мужчина с упаковкой пива. Пес из-за угла не появился. Потом вывалилась компания молодежи с пакетами. Он опять не вышел. Но когда из двери появился парень в бейсболке с сэндвичем, пес тут же выскочил и, встав на задние лапы, стал забавно просить с ним поделиться, кивая то рыжей мордой, то передней лапой. Делал он это

настолько вдохновенно, что казался актером на сцене. Как же он различает тех, кто покупает именно хот-дог или сандвич? Он же не может уловить запах, прячась за углом.

Валентин решил поэкспериментировать. Зашел в закусочную. Постоял для вида минуту перед прилавком, ничего не купил и вышел. Собаки у порога не было. Тогда Валентин вернулся, купил хот-дог и, как только распахнул дверь, то уперся в рыжую морду пса, который уже ждал его. Пришлось протянуть лохматому актеру «добычу».

– Пожалуйста, не кормите эту бездомную собаку, – крикнул появившийся откуда-то работник заправки, парень, похожий на несостоявшегося студента. – Хозяин очень ругает нас за это.

– Извините, я не знал, что он бездомный. У него ошейник и вид приличный, – почувствовал себя неловко Валентин. Парень, видимо, был новеньким, так как обычно дежурил толстый пузатый мужик с лысиной.

Пес, поняв, что речь идет о нем, схватил остатки бутерброда и, свесив длинные уши, засеменил прочь.

– Да, вы правы. Выглядит он прилично. Но при этом постоянно приходит сюда и кланчит у клиентов что-нибудь, особенно хот-доги. Наверное, живет неподалеку, но хозяева его совсем не кормят.

– Извините еще раз, – Валентин направился к своей машине.

– Да ничего. Если честно, я тоже его иногда кормлю, пока никто не видит, особенно мой сменщик. Пес умный, только заброшенный и голодный. Жалко его.

«Заброшенный и голодный...».

Валентин надавил на педаль акселератора, и машина послушно тронулась.

Впереди на придорожном рекламном щите в ритме танца слились красавица с веером и драгун с саблей. Красные складки вскинутого платья и темно-малиновый военный мундир. В длинных черных волосах цыганки яркий цветок, похожий на розу.

Опера «Кармен». Вечная история любви и измены. Но в рассказе цыганка дарит солдату цветок акации, а не розу, – промелькнуло в мозгу Валентина. – Хотя какая разница, это же опера. Надо обязательно сходить.

Он никогда не смотрел настоящей оперы.

– Что случилось? – голос Дианы в трубке звучал напряженно и прерывисто.

– Ничего. Просто ты опять куда-то пропала. Я пытаюсь дозвониться до тебя уже два часа, чтобы пригласить в ресторан.

– Слава богу. А то я уже испугалась, увидев бесконечное количество твоих вызовов. Ресторан – это отличная идея. Я скоро буду, и все обсудим, только заскочу по дороге к одной знакомой за последними обзорами «Италмоды», хорошо?

– Буду ждать...

Ему еще хотелось добавить с сарказмом «Что делать?», но это означало показать раздражение. Лучше сдержаться. Он хорошо запомнил ее слова: «Ревность разрушает. Не люблю ревнивцев».

Через полчаса под окном раздался звук неисправного глушителя «Мазды». Валентин выглянул и, увидев, что Диана с трудом вытаскивает из машины стопку журналов, спустился ей на помощь.

За последние два месяца их двухкомнатная квартира превратилась в склад журналов о моде, книг по дизайну и прочей литературы, которую внимательно изучала Диана, чтобы найти (даже не найти, а откопать) новую промоушн-идею коллекции женской одежды для выставки в Милане.

– А ты стал таким привлекательным с новой стрижкой, – отметила Диана, когда они оказались в квартире. Она два раза поцеловала его. За терпение и ожидание.

– Спасибо, – смутился Валентин и рассказал ей о китайском ресторанчике.

– Давай лучше поедem не в китайский, а в итальянский ресторанчик, – предложила свой вариант она, выслушав его. – Звонил Леонид. Они с Изи будут там сегодня вечером. Или ты хотел, чтобы мы были только вдвоем?

«Конечно, вдвоем», – вздохнул про себя Валентин, но вслух ответил: – Итальянский – это тоже неплохо...

– Я знаю, тебе не очень нравится Леонид, но ты поболтаешь с Изи. Вы же с ним всегда находите тему для разговора. Мой желудок изнывает по настоящему спагетти, после маминей еды, – перебила его Диана, раскладывая на диване журналы. – Столько всего надо прочитать, просмотреть и проанализировать, просто кошмар.

– Хорошо. Я согласен.

Он обнял ее.

– Осторожно, не испорти маникюр. Смотри, какие иероглифы нарисовали на ногтях. На перламутрово-вишневом фоне золотые иероглифы казались тонкими веточками ивы.

– Этот обозначает страсть, этот силу, этот власть. Нет, перепутала. Этот – страсть, а этот – власть. Тебе нравится?

– Очень. А где их нарисовали? Я заезжал в салон, но администратор сказала, что ты не приезжала сегодня.

– Мой мастер заболела, поэтому пришлось ехать в другое место. На площади. Помнишь, там рядом есть симпатичное бistro с фонтаном, где мы однажды ели запеченные груши с миндалем.

Груши он помнил. Особенно желто-зеленую попку с хвостиком, торчавшую из поджаренного золотистого безе, посыпанного лепестками нарезанного миндаля.

Диана снова нагнулась над диваном, перебирая журналы.

– А почему ты не отвечала?

– Я была в покрывале и руки держала в ванночке.

Она подняла голову и с укоризненной насмешкой бросила на него уничижительный взгляд.

– Там, кстати, появился новый парикмахер – интересный парень. Представляешь, у него точеная накачанная фигура, широкие плечи, и при этом почти женские руки. И пальцы такие тонкие-тонкие. – Она смешно изобразила движение, как будто играла на фортепиано. – Большая редкость для мужчин. Этот парень неплохо делает укладку. Хочешь, я тебя к нему запишу, когда ты в следующий раз соберешься в парикмахерскую, а то тебя как-то слишком простовато постригли сегодня. Шарм не чувствуется, – последние слова Диана произнесла уже из спальни, куда она перенесла несколько журналов.

– Согласен, – ответил он, одновременно восхищаясь ее способностью, как творческой натуры, подмечать художественные нотки в обычных явлениях и досадуя на ее увлечение пластикой человеческого тела, особенно мужского, которое она называла более совершенным, чем женское. Ему захотелось поцеловать ее в шею. Крепко и долго, чтобы остался след, чтобы губы почувствовали вкус косметики и кожи.

– Ты что, хочешь оставить печать собственника? Не будь эгоистом. Как я буду ходить в открытых платьях? – Ее руки легонько отпихнули его. – Все! Теперь уходи в зал и терпеливо жди, пока Золушка не превратится в красавицу. Чтобы насладиться, мужчина должен уметь ждать.

Двери спальни закрылись пред ним, как театральный занавес.

– Не скучай... – донеслось из-за них.

В ресторан они поехали на «Мазде». Диана любила водить машину и даже часто лихачила, умудряясь при этом непринужденно болтать. Вот и сейчас, придерживая руль одной рукой, она пересказывала Валентину всякие истории, вычитанные из журналов мод, в то время как он рассеянно слушал, пытаясь внутренне расслабиться и настроиться на предстоящий ужин с ее друзьями.

Леонид и Изи. Начальник и его работник. Они были из «прошлой жизни» – так Валентин называл все то, что было у Дианы до их встречи. Это «прошрое» вызывало в нем чувство раздражения и даже ревности. В том числе и ее детство. Она ведь явно была влюблена в кого-то другого тогда, или кто-то был влюблен в нее. Такая женщина не может оставаться ни на минуту без друзей. А где друзья, там и поклонники. Так часто происходит. Жил-был просто друг, и вдруг стал любовником.

– Валентин, как ты думаешь, когда появилось знаменитое выражение «Новая мода – это всего лишь хорошо забытая старая»? – оторвал его от раздумий вопрос Дианы.

– Не знаю. Наверное, в двадцатом веке, может быть, в девятнадцатом. Не раньше. Разве мода существовала в средние века?

– В четырнадцатом¹. Представляешь?! Уже в четырнадцатом веке люди вовсю увлекались модой. А ты говоришь, в девятнадцатом. И кстати, наши предшественники были гораздо более экстремальными модниками, чем мы. Например, они носили остроносые ботинки длиной до шестидесяти сантиметров, – весело объясняла Диана, придерживая руль правой рукой с широким браслетом на запястье.

– Не может быть, – откликнулся Валентин, наблюдая, как она управляет машиной, наклоняя голову в сторону поворота, как ребенок, который играет в «машинки» и урчит. И как ей только удастся следить за потоком транспорта на дороге и ни на секунду не забывать о внешности, пользуясь даже минутной остановкой, чтобы поправить прическу или золотые серьги с каплевидными рубинами?

– Все-таки рубины чуть великоваты, не находишь? – перехватила она его взгляд, когда тормознула на перекрестке. – Что молчишь?

– Любуюсь своим неподражаемым водителем.

– А почему такие глазки? Лукавые-лукавые...

Загорелся зеленый свет, и «Мазда» тронулась. Серьги задрожали. Казалось, еще немного и рубиновые капли упадут на сиденье, оставив на нем нестираемый кроваво-золотистый след. Это украшение прислал в подарок на день рождения отец Дианы. Он занимал пост менеджера в крупной компании и неплохо зарабатывал. Еще одним его подарком была поддержанная, но шустрая «Мазда», на которой они ехали.

Диана называла его «папочка», а когда хотела уязвить – «папулик». Это был властный, крупный человек, с седеющими волосами и правильными чертами лица. Валентин виделся с ним всего несколько раз.

– Может быть, ты недолюбливаешь Леонида за то, что он богат? – неожиданно спросила Диана, когда они подкатили к ресторану и стали выходить из машины.

– Мне наплевать на его деньги.

– Я пошутила, не сердись. Леонид очень галантный и благородный человек. И ты знаешь мое отношение к деньгам. – Она прижалась к нему. – Улыбнись, пожалуйста, Валентин. Сдвинутые брови тебя старят, а улыбка молодит лет на десять.

Это он знал.

– Изи, будь так добр, попроси, пожалуйста, чтобы нам подали еще бутылочку кьянти, – обратился Леонид к своему другу и подчиненному, когда с приветствиями было покончено

¹ Эта фраза приписывается Джеффри Чосеру (1340–1400), автору «Кентерберийских рассказов»

и все сели за стол. В светлом летнем костюме он напоминал итальянского дона из сериала про мафию. Зачесанные назад сидящие волосы, подтянутая плотная фигура, безупречный животик – в сорок пять лет лучше выглядеть невозможно. – Мы, пока вас ждали, так увлеклись обсуждением фильма Бертолуччи «Мечтатели»², что одну бутылку белого соаве почти допили. Диана, ты выглядишь, как всегда, бесподобно.

– Я бы сказал, аппетитно... – вставил Изи и громко засмеялся, потирая узкую бородку.

– И что Бертолуччи? Чем вам не угодил этот итальянец? Или это просто в тему: ресторан итальянский – кино итальянское? – сразу поймала нить разговора Диана, с улыбкой глядя на них.

– Нет, просто тема очень подходит под ужин, – ответил Изи, разливая остатки желтого вина в бокалы гостей. – Как по-вашему, зачем режиссер ввел сцены, когда герой, извините за подробности, писает в умывальник, живя в доме друзей, которые его приютили? Нормальный, культурный англичанин по-скотски ссыт на зубные щетки гостеприимных хозяев. Почему?

– Потому что все мужчины – невоспитанные и неблагодарные создания.

– Я понимаю, что вы шутите, милая Диана, – голос Леонида звучал добродушно-благосклонно. – По мне, так Бертолуччи хотел показать, что человек, оказавшись в сложной психологической ситуации, ищет выход своему напряжению и невольно совершает безумные вещи. Эти кадры обостряют восприятие, подчеркивая состояние героя. Первый секс, первая свобода. Вот она – жизнь.

– А мне кажется, что автор доказывает, что в каждом из нас живет большой и добрый человек, и одновременно маленький и мерзкий. И если за нами никто не смотрит, мы обязательно творим гадости.

– Браво, Валентин. Ты, как историк, всегда находишь особую глубину. Жаль, что я не биолог, а не то бы предложил версию о том, что наш молодой англичанин в фильме ведет себя как кобель и метит территорию, – сострил Изи, и после того, как все за столом громко рассмеялись, добавил: – Нет, гениальный режиссер не мог опуститься до банальностей морали и философии.

– О чем вы, господа? – возмутилась Диана. – Это же протест. Протест против обычных устоев. Внутренний бунт молодого организма.

– Точно. Бунт в туалете, – засмеялся Изи и увернулся от полетевшей в него скомканной салфетки.

Официант принес заказанные блюда и бутылку кьянти.

– Предлагаю сменить тему, – воскликнула Диана.

– Нет, позвольте, Бертолуччи – гений, давайте доберемся до истины, – запротестовал Изи, поправляя свои взъерошенные волосы и потирая лысину. – Вспомните другие эпизоды...

Все начали оживленно обсуждать фильм, кроме Валентина, который плохо помнил содержание, поэтому, съев спагетти, отошел к стойке бара, чтобы выкурить сигарету.

Стороннему человеку всегда сложно поддерживать беседу в компании, где все друг друга хорошо знают. Где все обмениваются взаимными шуточками, остротами и постоянно всплывает фраза «А помните...». Так и сегодня вечером: Валентин вдруг почувствовал себя тяжеловесным рыцарем, случайно попавшим в ряды быстро скачущей легкой кавалерии. И вообще, ему всегда казалось, что настоящий мужчина должен быть сдержан, молчалив и суров, как капитан военного фрегата. Хотя бабушка говорила, что молчание может сделать человека угрюмым. Бабушка была права. Но ведь должен кто-то слушать, что говорят другие.

² The Dreamer.

Изи – любовник Дианы? Этого не может быть! Это – исключено. Длинный, худой, с козлиной бородкой и круглой лысиной. Ему только пенсне не хватает, для полного аристократического набора. Валентин криво усмехнулся и зло повторил про себя слово «любовник». Он стоял у барной стойки и докуривал сигарету, наблюдая, как Изи что-то шепчет на ухо улыбающейся Диане. Изи даже старше Леонида. В нем, конечно, много энергии, задора, пошлых шуточек, но чтобы она легла с ним в постель, представить трудно. Хотя говорят, что у длинных и тощих особо крупное мужское достоинство?

Валентин вернулся к столу и, сядя на свое место, попробовал пошутить:

– Вы что, уже закончили про писсуары?

– Мы уже давно про другое, – Диана погладила его по руке.

– Зачем раздражаться несовершенством мира? – продолжал Изи начатую ранее мысль. – Мир надо любить таким, какой он есть. Все несовершенно. Природа, общество и прежде всего сам человек. Один худой, другой толстый, третий глупый, четвертый сумасшедший. Поэтому не надо никакой романтики. Бери, что дают, и наслаждайся этим. Вкусная еда, восхитительное вино, – Изи демонстративно отпил из бокала красное кьянти. – И если еще вдруг судьба подбросит вечером в кровать что-нибудь обнаженное на десерт, то знай, что день прошел не даром.

– Изи, друг мой, ты что, отвергаешь любовь – самое прекрасное и поэтичное чувство на свете? – Леонид закурил сигару.

– Ни в коем случае. Зачем отвергать богом данное заблуждение? Нравится – любите. Я за разносторонние отношения между полами. Можно, пардон, перепихнуться, а можно сыграть в романтику, в любовь, хотя любовь – это не что иное, как разновидность эгоизма. Удовлетворение амбициозного «хочу». Хочу именно эту женщину, даже если она меня не хочет. Любой ценой, за любые деньги.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – выпуская дым, сказал Леонид.

– Что вы, босс. Нисколько. Именно от этого эгоизма, в случае неразделенной любви, люди сходят с ума. А зачем? Вокруг тысячи других женщин. А сколько жаждущих ласки одиноких сердец! Сеньорита, это к вам не относится, – Изи сделал вид, что хочет поцеловать Диану.

– Не подлизывайся, пожалуйста. Не люблю лысеющих плейбоев, – кокетливо отвернулась та, – которые все сводят только к плотскому удовольствию.

– А что плохого в лысеющих плейбоях? Да, только в мужчинах «десертного» возраста гармонично сочетается разум и страсть. У них уже есть деньги и, простите за грубость, еще стоит член.

– От десерта толстеют.

Шутка Дианы вызвала общий смех, после чего Изи утвердительно произнес.

– Сон, секс и свобода – вот три вещи, которыми можно действительно дорожить. Сон дает нам радость жизни, секс ее смысл, а свобода право выбора. Вот ради чего стоит жить...

– А как же искусство, поэзия? – вызывающе прозвучал голос единственной женщины за столом.

– Ерунда. Полная ерунда. Ну кто, скажите, кто в наше прагматичное и циничное время, в эпоху, когда мир стал похож на одноразовый пластиковый стаканчик, наполненный фаст-фудом и Интернетом, – кто верит в поэзию и искусство? Только глупцы.

– Диана, не слушайте, этого полупьяного скандалиста, который так дорог моему сердцу, – Леонид поцеловал ее руку. – Только любовь и поэзия делают мир совершенным.

Кто этого не понимает, виноват сам. Помните Шекспира: «Быть такими или другими – зависит от нас. Каждый из нас сад, а садовник в нем – воля...»³.

– А деньги? – недовольно буркнул Валентин. – Как же без них?

– Мне кажется, что большинство людей преувеличивают значение денег в этой жизни, – Диана бросила на него укоризненный взгляд.

– Потому что у них их нет. А когда их нет, всегда преувеличиваешь их значение.

– Валентин, – неожиданно повернулся к нему Изи, – деньги – это скучно, расскажи лучше, над чем сейчас работаешь. Что пишешь?

Валентин смутился, но вкратце рассказал замысел про ножи и исторических персонажей, приведя в пример «Ромео и Джульетту».

– Очень интересно будет узнать, какой кинжал был в руках Джульетты перед смертью. А ты, лысеющий плейбой, говоришь, что все духовное мертво. Вот, смотри, – искусство вечно. Давайте выпьем за это, – поднял бокал Леонид.

– Давайте, – поддержал его Изи и сузил глаза. – А каким кинжалом Отелло заколол Дездемону, ты тоже напишешь?

– Он ее задушил, – утвердительно сказала Диана.

– Разве? Вы уверены в этом, милая сеньорита?

– Сейчас посмотрим, как вы знаете классиков, – торжествовал Леонид. – Итак, заколол или задушил?

– У него не было кинжала, он же был красавец мавр, – не сдавалась Диана.

– Не красавец, а ревнивец, – парировал Изи.

Над столом завязался спор, обогранный остатками красного кьянти.

Но поединок продолжался недолго. Вмешался Леонид, объяснив, что в пьесе Отелло сначала душит жену, а потом, видя, что она не умерла, закалывает ее. Его осведомленность никого не удивила, так как Леонид когда-то играл в студенческом театре одного из персонажей «Отелло» и с тех пор был равнодушен к Шекспиру.

– Быть или не быть, любить или не любить, убить или не убить? Вот и великий Уильям говорил, что от любви одни неприятности, – с сарказмом заметил лысеющий плейбой и, подняв к глазам опустевшую бутылку, театрально вздохнул: – Пить или не пить?

Принесли кофе и чай. Страсти улеглись.

– Диана, может, погадаешь на кофе, буду я сегодня ночью спать один или нет? – размешивая ложечкой черный эспрессо, спросил Изи.

– А как хочется?

– Хочется не одному, а вдвоем, или, еще лучше, втроем.

– Тогда гадание не поможет. Здесь без привораживающего зелья не обойтись.

– А ты и это можешь?

– Моя тетка была андалузская колдунья. Попроси у официанта ручку, я тебе напишу рецепт приготовления зелья. Как приворожить сразу двоих.

Пока Диана писала что-то на салфетке, Валентин вспомнил, что во время их первой встречи на дне рождения сестры его приятеля Хосе она тоже готовила привораживающее зелье. Напиток был похож на чай с травами, но когда день рождения закончился, Валентин неожиданно для себя набрался смелости и попросил Хосе пригласить девушку-колдунью на вечеринку в ночной клуб. После этого все и началось. «Я тебя приворожила тогда, – шептала ему на ухо Диана, когда они первый раз лежали вместе в постели. – Хотя просто добавила в чай с мелиссой одну ложку абсента и две ложки коньяка».

³ Шекспир У. Трагедии. Пьесы. – М. Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. с. 216

– Рецепт готов, – объявила Диана. – Слушайте, читаю: «Чтобы затащить в постель двух молоденьких девиц, необходимо поить их шампанским “Вдова Клико” и пудрить им мозги до тех пор, пока они не упадут. Потом осторожно дотащить за длинные ноги до постели, раздеть и уложить спать».

– Ты просто чудо, милая Диана, – не вынимая сигары изо рта, похлопал в ладоши Леонид. Беззвучно и с достоинством. – Вот что значит профессионал в рекламе! Предлагаю по капле коньяка на десерт, за мой счет.

– Можно, мне лучше кальвадос?

– Для вас, сеньорита, все что захотите.

– Спасибо. Ты доведешь машину сам? – спросила Диана Валентина и, увидев его утвердительный кивок, снова повернулась к Леониду. – Я профессионал не в рекламе, а в промоушне, а ты, Леонид, всегда путаешь эти понятия. Промоушн – это прежде всего новые способы продвижения товара. Придумывание идей, образов. Это творчество, а не расклейка объявлений на заборах.

Ее глаза засверкали.

– Это тоже от тетки-колдуньи? – спросил Изи.

– Нет, это от мамы. Когда я была маленькой и непослушной девочкой, а маме надо было приучить меня переходить дорогу по пешеходному переходу, она каждый раз, когда мы подходили к проезжей части, говорила. «Дана (так она меня называла), давай найдем “зЁбру” и пойдем по ее белым полоскам». Именно «зЁбру», а не «зебру». Вы не поверите, я прекрасно понимала, что меня обманывают, но слово «зЁбра» действовало магически.

– Bravo! Bravo! Передайте вашей маман от меня, милая Дана, десять поцелуев. Нет, лучше двадцать, – воскликнул Изи. – Зёбра – это просто «пять»!

– Так вот, сейчас наша компания разрабатывает новый стиль для одного известного дома моды, – не обращая внимания на восклицания Изи, продолжала Диана.

Валентин понял, что его «колдунья» завелась.

– Очень любопытно. Можно в деталях и подробностях?

Лицо Леонида выражало неподдельный интерес.

– Леонид, ты же знаешь, что выдавать коммерческую тайну нельзя, даже самым близким людям. – Она поцеловала щеку Валентина. – Тем более что ты, как один из совладельцев компании, можешь все подробности узнать у высшего руководства.

Официант поставил на стол два бокала коньяка и один кальвадоса.

– Вот послушайте, что такое промоушн, – продолжала она с жаром, взяв в руки бокал. Валентин уловил аромат прелых яблок, ванили и меда. – Помните голые животы в женской моде? «Секси-животик». Это и есть суперпромоушн. Новый стиль. Большинству женщин он просто снес крышу. Даже толстопузые напяливали майки-топики. А по правде говоря, идея голого живота стара как мир. Восток. Индия. Но вся гениальность была в спущенных до бесстыдства джинсах. Подростковое секси. Вот мы и должны предложить что-то подобное, какой-то новый стиль.

– Ну и как?

– Думаем. Ищем. – Диана приложила бокал с кальвадосом к губам. – Но, как всегда, не хватает времени, чтобы довести дело до идеала. Выставка уже в конце сентября.

– Женщины – удивительные существа, – многозначительно произнес Изи, – их так трудно понять, но при этом ими так легко управлять.

Чем руководствуется женщина, когда выбирает любовника? Чувством, разумом, инстинктом? Почему им иногда так хочется отдаться первому встречному? Валентин стоял у дверей ресторана и размышлял, специально уйдя пораньше, чтобы не видеть теплые расставания добрых друзей.

Ночь еще не завладела городом, но на бледно-голубом небе уже сияла первая звезда.

Может быть, и им часто не хватает такой вот блестящей звездочки? Тайного, яркого поклонника. Например, как Изи, про которого однажды Диана тонко подметила: «Изи – идеальный любовник для обремененной обстоятельствами женщины. Ни к чему не обязывающий, как легкий ужин с сухим вином. После него не остается похмелья и тяжести в организме».

– Слушай, а ты бы хотел поучаствовать в групповом сексе? – выпалила Диана, когда они отъехали от ресторана и «Мазда» влилась в поток машин на проспекте. Она повернула к нему голову и смотрела испытывающим взглядом, лукаво прищулив глаза и моргая длинными ресницами. Он молчал, не зная, что сказать, только крепче сжал руль и постарался сделать равнодушное лицо.

– А я бы, наверное, хотела, но только без тебя... – расхохоталась она. – Ты такой ревнивый и такой глупый.

Ее пальцы пробрались под его рубашку и нащупали сосок на груди.

– Глупый, но вкусный, вкусный...

Ноготки поглаживали грудь, надавливая сильнее и сильнее, превращаясь в требовательные коготки. Вдруг все резко прекратилось.

– Душно. Кондиционер совсем сломался. Давай откроем окна?

Ночной воздух ворвался в салон. Диана распустила укладку и, подставив ветру волосы и шею, мечтательно произнесла:

– Ой, как хорошо. Сейчас бы к морю.

– А почему ты спросила про групповой секс?

– Про что?

– Про групповой секс, – сделал он акцент на звуках «кс».

– Просто так. Любопытно. Представляешь, сразу несколько сплетенных в порыве страсти обнаженных тел.

– Можно купить порно и посмотреть.

– Это не то. Плоское бесчувственное кино. В натуре это совсем по-другому.

– Откуда ты знаешь? – насупился Валентин.

– Это некорректный вопрос, – она попыталась его поцеловать.

– Почему некорректный?

– Потому что я взрослая девочка. И ты что, наивно думаешь, что у меня до тебя не было мужчин? Были. И некоторые из них очень даже хороши в постели.

Валентин почувствовал, что у него задрожали руки. Слова «хороши в постели» как будто нацарапали на спине тупым предметом.

– Не хмурься, это же шутка. Ты лучший, и дело совсем не в сексе. Я же тебя люблю. – Она игриво погладила его по ноге. – Смотри, смотри на дорогу. А то мы сейчас въедем кому-нибудь в зад.

Валентин сбавил скорость. Она просто пьяна и не думает, что болтает, – нашел он оправдание ее поступкам и, чтобы сменить тему разговора, спросил:

– А Изи так и продолжает работать на Леонида консультантом по связям с общественностью?

– Да, консультантом-адъютантом, – усмехнулась Диана. – Они старые приятели. Такие давние, что даже не помнят, как и где познакомились. Но, согласись, Изи, со своими милыми пошлыми шуточками, просто незаменим в компании, поэтому Леонид и таскает его везде за собой. Где тут моя любимая радиостанция? – Диана щелкнула по каналам магнитолы.

Жесткий танцевальный ритм наполнил пространство. Диана сразу начала покачивать плечами и подпевать.

– Может, поедem на дискотеку?

Вопрос остался без ответа. Пауза повисла в воздухе, как мыльный пузырь, и казалось, вот-вот, раскачиваясь под музыку, лопнет, обрызгав все вокруг липкой дрянью. Валентин вел «Мазду», напряженно глядя на дорогу.

– Я пошутила. Поехали домой. И так был чудесный ужин, правда, только ты почему-то в конце нахмурился и ушел. – Диана убавила звук.

– Я вышел покурить.

– Да, все понятно! Тебе не очень нравятся мои друзья. Это грустно, но это так.

– Все в порядке, – ответил Валентин, хотя сам подумал: как они ему могут нравиться, если она как-то обронила, что если у нее и будет любовник, то только из хорошо знакомых людей. Но вслух сказал:

– Они прекрасные люди. Тем более один из них почти твой босс.

– Леонид не босс. Он никогда не вмешивается в управление компанией. Он просто один из акционеров. Перестань, Валентин. Это начинает надоедать.

Она резко повернула ручку громкости магнитолы «на всю» и отвернулась. Вылетевшие из динамиков звуки обдали Валентина глухими, низкими ударами рэпа. Его палец тут же нажал на кнопку «Of». Ссора неожиданно пробудила в нем злость и одновременно сильное желание обладать этой неподвластной женщиной. Он крепко сжал руль и прибавил скорость. «Мазда» в молчании понеслась в желто-красном потоке огней проспекта, который был похож на узкое ущелье, полегавшее между шеренгами высоких домов с тысячами светлых квадратных окон.

Дома они помирились и, устроившись на диване, решили посмотреть свежую мелодраму. Он перебирал ее волосы, наблюдая, как они струятся между пальцами, в то время как Диана, положив голову ему на колени, уснула. Покорная и домашняя. Желание, бурно кипевшее до этого у него внутри, вдруг пропало, испарилось, оставив слабый аромат грусти и усталости. Валентин бережно переложил ее голову на подушку и встал.

– Можно мне поспать прямо здесь? – Диана повернулась на бок.

Он принес плед и укрыл ее до пояса.

– Я тебя люблю, – прошептали ее губы, а руки забрались под подушку.

Почему она говорит, что любит, а сама часто уходит куда-то? Нет, не уходит. Это неправильное выражение. Скорее она не приходит так часто, как ему бы хотелось. Не испытывает постоянной потребности в нем. Валентин вздохнул и направился на кухню. Понятно, что он не красавец. Крупный и неуклюжий. Но она всегда говорит, что слащавые красавчики не в ее вкусе. Или женщины врут, что им наплевать на внешность мужчины? Точно врут. Это только пока им не надо с ним заниматься сексом в постели. Интересно, как на самом деле выглядел Отелло? Шекспир описывает его как «толстогубого» и темнокожего.

Валентин зажег на кухне подсветку, включил ноутбук и сделал запрос в поисковой системе. «Мавры, от греческого *mauros* – темный (но не черный!). Так в средние века называли мусульманское население Северной Африки и Пиренейского полуострова, где располагается современная Испания и Португалия», – пришел ответ. То есть, если бы он существовал на самом деле, то был бы смуглым красавцем-мачо. Немудрено, что Дездемона влюбилась в него без памяти.

Валентин еще немного поразмышлял над этим вопросом и решил пока закончить главу про чинкведеа.

Итак. Чинкведеа были разной длины. От небольших – длиной в пятнадцать-двадцать сантиметров, до длинных – в пятьдесят сантиметров. Это уже почти короткий меч. Их правильная треугольная форма, с сильным расширением к рукоятке, была необходима для того, чтобы ударом сверху пробить доспехи рыцаря. Такое лезвие не ломалось, а широкое основание позволяло приложить максимум усилий одной или даже двумя руками.

Перед глазами Валентина вдруг предстало средневековое сражение. Скачущий рыцарь. Черная грива коня вьется на ветру, серебристый шлем украшен орлиной головой. За спиной развевается короткий белый плащ с гербом. В руках рыцаря длинный меч.

Вдруг конь спотыкается, рыцарь тяжело падает в грязь. И пока он беспомощно барахтается под тяжестью доспехов, на него сверху наваливается пехотинец и, высоко подняв чинкведеа, с торжествующим криком вонзает его через латы. Потом, упершись одной ногой, вытаскивает окровавленный треугольный клинок. Валентину даже показалось, что он слышал скрежет металла о металл. Такой же звук раздается, когда открывают консервную банку тупым кухонным ножом....

Да. Наверное, оно так тогда и происходило. Валентин закончил работать и, выключая подсветку, обратил внимание на сумочку Дианы, которая осталась на кухне, когда они поехали в ресторан. Расстегнутая молния выставляла напоказ дамский набор вещичек. И чего только они не носят в сумочках, подумал Валентин, зачем-то выложив вещи на кухонный стол. Две помады, тональный набор, пилка для ногтей, потом визитки: какой-то менеджер, еще один (женская фамилия), а вот карточка салона красоты на площади. На ее обратной стороне крупными буквами выведено имя парня и его мобильный телефон. А также надпись «only for you». Зачем так писать человеку, если его видишь первый раз?

* * *

Разве кому-нибудь может не нравится рынок утром? Немногочисленные покупатели, неторопливо разглядывающие товар. Нетронутый воздух, наполненный прохладой и щебетом птиц. Нарядные фрукты, разложенные ровными горками на прилавках, с блестящими на солнце боками, которые хочется погладить. Особенно яблоки. Натали остановилась у одного из прилавков и провела по ним рукой. Упругие и наливные. С гладкой кожицей. Бледно-желтые, в еле заметную крапинку. Темно-красные, с размазанным вельветом полос. Молочно-зеленые, с огненными прожилками. Спелые и сочные. Кислые и сладкие. Разноцветные. Разные.

Она так увлеклась, что не сразу заметила мужчину, стоявшего сбоку и разглядывающего ее – пристально и одновременно нежно. Как это могут делать только мужчины, гладившие немало женских плеч. Не молодой, но симпатичный. Свеже-уложенные волосы, ровно подрезанные виски, загорелая сильная шея. Плетеная корзинка в руках. Увидев, что разоблачен, незнакомец улыбнулся, кивнул в знак приветствия головой и, надев темные очки, стал выбирать фрукты. Натали почему-то стало не по себе. Показалось, что их совсем ничего не разделяет. Что он откуда-то все знает о ней. О ее мыслях. О ее теле. О ее желаниях.

Она быстро перешла к прилавкам на другой стороне и краем глаза увидела, что он тоже перешел, но чуть дальше. Ей захотелось что-то возмущенно сказать, но он так обезоруживающе улыбнулся, словно уловив ее замешательство, что она смутилась и стала рассматривать яблоки. Но невольно то и дело поворачивала голову в его сторону. Незнакомец выбирал фрукты и складывал их в корзинку, приподнимая и опуская плетеную крышечку. Потом, весело торгуясь, расплачивался и ...приближался. Ее охватила легкая паника. Мысль билась и пульсировала. А что, если он сейчас подойдет и заговорит? И если вдруг он возьмет ее за руку? Или если он окажется за спиной и начнет расстегивать пуговицы на платье, она же совсем не сможет сопротивляться, а вокруг так много народа! Ей захотелось убежать, но тело отказывалось повиноваться. Ноги словно приросли к дорожке, а руки машинально хватали яблоки, подносили к невидящим глазам и клали на место. Незнакомец был уже совсем близко! В двух шагах от нее. Загорелой рукой он аккуратно брал фрукты и бросал вопросительный взгляд на Натали. Как бы спрашивая глазами ее одобрение: вот этот ворсистый пер-

сик или лучше вон ту истекающую соком грушу? А как вам нравится этот беспечно-оранжевый апельсин?

– Сколько тебе положить, красотка? – откуда-то издалека донесся голос продавца. – Ты уже перетрогала весь мой товар.

– Извините... Извините, пожалуйста. Мне килограмм вот этих, зеленых.

Она отсчитала деньги и, не дожидаясь сдачи, пошла к выходу. Испуганно и торопливо. Не оглядываясь. И только когда садилась в такси, позволила себе повернуться.

Никто не провожал ее взглядом.

Жидкое тесто лениво растекалось между зеленобокими кусочками яблок, совсем не торопясь заполнить укромные уголки. Ну, быстрее, что ли, – Натали приподняла ребристую форму для запекания и потрясла. Ей не терпелось скорее поставить свое творение в духовой шкаф. Сегодня она положила в тесто немного соды, хотя этого не было в рецепте. Возможно, теперь корочка получится хрустящей?

Выставила таймером время, потом прибавила на всякий случай еще пять минут. Может быть, не хватает именно этих нескольких минут? Как часто и нам в этой жизни. Все. Осталось только включить любимый диск «Blackmore's night» и ждать.

Она вышла на балкон.

День выдался не очень жаркий. Внизу толкалась, сигналила и нервничала толпа автомобилей. Иногда от этого шума не спасали даже двойные пластиковые окна, без которых невозможно жить в центре города и которые совсем не пропускают свежий воздух. Именно поэтому, как только они переехали сюда, она сначала постоянно задыхалась, особенно летом. Но потом понемногу привыкла. Человек ко всему привыкает. Только иногда непонятно – зачем?

С верхнего этажа проспект казался дорожкой, выложенной неровными цветными квадратиками автомобильных крыш, по краям которой лежали зеленые полосы газона. У дочери в детстве тоже была игра, где надо было строить деревенский домик, сажать пластмассовые деревья и выкладывать изогнутые тропинки маленькими темно-зелеными плиточками. Как в сказке про Изумрудный город.

Натали перегнулась через перила, стараясь заглянуть как можно дальше за горизонт, через крыши домов и купола соборов. Где-то там, далеко, клиника, где лечится дочь. Где-то там, слева от ослепительного солнца. На востоке.

Стало душно, но уходить с балкона не хотелось. Мужа все равно нет. Он позвонил вчера и, как обычно, без объяснения сказал, что задержится на пару дней. Дела. Бизнес. У мужчин это так называется. Но она привыкла и ответила, что постарается не скучать. Хотя раньше говорила, что будет ждать.

Натали расстегнула верхние пуговицы халата, на японском шелке которого красовались огромные ершистые птицы, и предоставила солнцу возможность преспокойненько погладить живот. Почему люди не летают? Как эти птицы на рукавах халата, с переливающимися крыльями и вздернутыми хохолками. Она опять перегнулась через перила и расправила руки. Вдруг рукава станут крыльями и можно будет, взмахнув ими, подняться к облакам и свободно парить? Не боясь никого и ничего. Кроме разве что той сгорбленной, чернофиолетовой тучи, наползающей с востока. Но человек не умеет летать. Совсем. И если отцепиться от перил, то неизбежно упадешь и разобьешься. И перед смертью будет очень больно. Очень! А боль – это страшно. Ноги крепко сжали оказавшийся между ними один из прутьев ограждения балкона. Прохладный и твердый. Только он удерживал тело от падения и смерти. А если все-таки разжать ноги? В кухне звякнул таймер духового шкафа.

Шарлотка готова.

Пока пирог остывал, Натали прошла в спальню и, поежившись от холодного дуновения кондиционера, сняла халат, чтобы переодеться. В зеркале смущенно показалось ее отражение, с бледно-вишневыми сосками груди. Она помяла одну из них, как будто пытаясь придать ей прежнюю, девическую форму. А если родить второго ребенка, грудь, наверное, совсем обмякнет? Почему природа так несправедлива? Вот было бы здорово, если бы с каждым следующим ребенком женщина получала в подарок от бога упругость кожи и новую молодость? А так – родишь второго и совсем перестанешь смотреть на себя в зеркало.

Ну и ладно. Поедем в августе к морю, там она загорит и не будет выглядеть так жалко. Должен же муж хоть в этом сдерживать обещание. Жаль только, придется отдыхать вдвоем. Без дочери будет скучно. Странный мужчина был сегодня на рынке, – ее мысли неожиданно вернулись к утреннему приключению. Понятно, что она ему понравилась, но зачем же так глазеть? Но надо же, какой денди! Ходит на рынок с корзинкой! Большая редкость в наше время. Зря она так быстро ушла.

Натали взглянула в зеркало, где отразилась ее насмешливая улыбка, поправила волосы, оделась и пошла доставать шарлотку. Интересно, какая корочка получится сегодня?

* * *

Их было трое. Они медленно раздевали ее, и она почти не сопротивлялась. Почему она не кричит? Почему она не бьется в истерике? Грубые руки, спотыкаясь об одежду, оплетают и сжимают тело. До боли. До синих пятен. Проникают и заползают все ниже и глубже. Почему ей не хочется плакать? Наоборот, губы со следами размазанной вишневой помады застыли в гримасе улыбки. Как можно смеяться, когда с тебя ночью, в переулке, сдирают одежду? И почему он ничего не делает? Лежит рядом, скованный объятьем чужой женщины, в то время как трое уводят Диану. Она смеется. Целует его, проводит рукой по лицу и исчезает с ними за серым углом дома. А он так и не может пошевелиться и безропотно целует и целует чужие губы. Чьи губы? Не видно. Какие-то смутные очертания. Размытые и расплывчатые.

Валентин с трудом разжал веки и увидел за окном бледный рассвет понедельника. Да. Приснится же такое! Он хотел заснуть опять, но передумал, ужаснувшись, что увидит продолжение.

Бело-желтые густые капли выступали из продолговатого отверстия и, не в силах удержаться на его краях, падали вниз. Их было так жалко, что хотелось поймать на лету ртом и проглотить. Валентин наблюдал, как Диана так аппетитно откусывала круассан, что из него с обратной стороны вытекал сливочный крем.

– Все-таки ты лучший мужчина на свете, – с набитым ртом в третий или пятый раз хвалила его она, слизывая языком убегающий крем. – Или ненормальный. Кто еще попрется с утра в такую даль, чтобы принести к завтраку только что испеченных круассанов?

Точно, ненормальный, про себя отметил он. Поэтому ему так не хочется отпускать ее на работу каждый понедельник. Безотчетно страшно. Вдруг она не вернется? Исчезнет. Тогда некому будет готовить завтрак. Некому дарить цветы.

– Я тебя люблю. – Диана допила кофе и поспешила одеваться. – Как ты думаешь, сегодня опять будет под тридцать градусов жары? – донеслось до него из спальни.

– Нет. Передавали, не выше двадцати шести.

– Тогда скажи, пожалуйста, что мне надеть? – плаксиво спросила она.

Как будто мужчина может знать, с настроением какого цвета женщина проснулась сегодня утром... Валентин уже вымыл посуду и сидел в зале, незаметно подсматривая «утренний подиум» – как однажды назвал сборы на работу кто-то из его знакомых. Это так

увлекательно – украдкой наблюдать за любимой женщиной. Как она ест, как смеется, как одевается. Ему нравилось почти все, что делала Диана. Разве что бегала она не совсем эротично, но женщины вообще бегают не очень изящно. Даже девочки в школе, как только у них появляется попа и грудь, начинают стесняться заниматься спортом при мальчиках.

– У юбок есть единственный недостаток: в них не очень удобно ездить на машине, – наконец появилась в зале Диана, сделав свой выбор.

– Мне нравится. Когда вернешься?

– Наверное, поздно, – ответила она и поцеловала его. – Обещай, что ты не будешь меня ждать.

– Обещаю.

– Пока. Я побежала.

Он вышел в коридор проводить ее.

Хлопнула дверь, оставив на прощание тихий скрип.

В мире ежеминутно открывается и закрывается больше миллиона дверей. Одновременно. Бесшумно и со скрипом, мелодично и с лязгом. Дверей по количеству гораздо больше, чем людей, и они издают при движении несколько миллионов разных звуков одновременно! Если прислушаться, то нашу планету можно назвать Планетой хлопающих дверей.

Валентин повернул защелку.

Нервы – извилистые красноватые паутинки под кожей. Совсем невидимые, но такие неуправляемые и противные! – злился Валентин, слушая по телефону объяснение Дианы про большой теннис.

– Ты же знаешь, Валентин. Среда – это святой день. Сегодня мы с Майклом играем против Леонида с каким-то его партнером по бизнесу. Пара на пару. Что-нибудь случилось?

По средам Диана ходила в спорткомплекс. Теннис. Сауна. Бассейн. К этому он уже привык, но, вопреки здравому смыслу, внутри все равно закипало раздражение. А может быть, ему надоело, что она последнее время почти всегда возвращалась поздно?

– Да нет. Просто устал и неважно себя чувствую. Все в порядке.

– Пока. Целую. Не скучай.

Валентин положил трубку и лег на диван. Полежал. Потом встал, побродил по квартире и сел за письменный стол.

Он тоже играл раньше в теннис со своим другом, который работал в строительной фирме. Но потом получил растяжение связок на ноге, и теннис пришлось забыть. Теперь они встречались иногда выпить пива. И вообще, после встречи с Дианой все друзья и знакомые куда-то потерялись. Кто-то постоянно нянчился с детьми, кто-то далеко переехал, кто-то весь растворился в бизнесе. Да и ему самому приходилось много времени проводить в библиотеке и за книгами. Так скоро вообще станешь одиноким отшельником. Да и хрен с ним, – горько усмехнулся Валентин, включил ноутбук и принялся писать.

Мозги работали вяло, но постепенно, с каждой буквой, с каждой удачной фразой, пальцы стучали по клавишам все увереннее и быстрее, иногда не успевая за мыслью. Это можно было назвать рабочим забытием или вдохновением. Неважно. Главное, что он давно не писал с таким упорством. Обо всем забыв и на все наплевав.

Только ближе к ночи, когда на небе появились первые звезды, он удовлетворено выключил компьютер и вышел на улицу покурить и разогнуть спину.

Часы показывали начало двенадцатого.

Обычно Диана возвращается из спорткомплекса около одиннадцати. Валентин прогуливался, чувствуя, что внутри опять начинают шевелиться, извиваться и скрючиваться досада и раздражение. Липкие и грязные.

Почему она играет в теннис постоянно именно с Майклом? Потому что он друг со студенческих времен? Или потому что он красив? Недаром все называют его не иначе как Красавчик Майкл. Все-таки бог несправедлив. Почему одним он дает все, и сразу, а другим мало, да еще и редко? Майкл – сын богатых родителей. С блестящим образованием. Заместитель генерального директора и совладелец крупной рекламной фирмы. Да к тому же еще и красавчик. У него и так от поклонниц отбоя нет из-за денег и карьеры, так нет, вот тебе еще и смазливые черты лица и стройная фигура. Бог несправедлив.

Стрелки на циферблате безмолвно извещали, что через пятнадцать минут наступит полночь.

Диана не звонила.

Напиться, что ли? Валентин стоял перед вывеской кафе в переулке. Или позвонить ей? Нет. Не буду. Он со злостью дернул дверную ручку.

Она не сопротивлялась. Только отвернула лицо, поморщившись от тяжелого запаха табака и виски.

Она ничего не говорила. Только напряглась, когда он коленкой раздвинул ее ноги и без всяких ласк и прелюдий вошел в нее.

Она не двигалась. Только безропотно лежала, когда его движения превратились в частые быстрые толчки.

Потом он обмяк, прошептав сухими губами «Прости».

Она завернулась в простыню и ушла в ванную.

Послышался шум воды, потом хлопанье дверцы кухонного шкафа, потом глухое звяканье бутылки о бокал, потом скрип дивана в зале, а потом ... тишина.

Ему было больно. Казалось, что ободрался о кору дерева. Сухую и безжизненную. Как в детстве, когда он однажды съехал с клена, обхватив шершавый ствол голыми руками и ногами. Содранная до крови кожа болела и жгла целую неделю.

Конечно, он неправ. Конечно, Диана пыталась объяснить ему, когда он вернулся из кафе, что ей нужно его тепло, а не безумный огонь ревности, что ей нужна его поддержка в работе, понимание, а он хотел только ее тела.

Мужчина должен быть сильным, а иногда даже грубым, как животное.

И конечно, в этом он прав.

Любовь не может существовать долго без доказательств сексом, без постельных признаний. Если женщина не хочет мужчину, значит, она охладела к нему или у нее кто-то есть.

Машина стояла на парковке на другой стороне улицы от входа в офис. За редкими кустиками. Удобное место: ты видишь все, а тебя практически никто, – отметил про себя Валентин и, покачив головой в такт саксофону, который чертил в динамиках невидимый рисунок на тонком полотне блюза, набрал номер мобильного Дианы. «Телефон абонента временно отключен». Да, вот так бывает. Ты приезжаешь встретить кого-то, а он и не знает, что его ждут.

После вчерашней ночи, когда он к обеду набрался смелости позвонить Диане и извиниться, то неожиданно услышал от нее: «Все в порядке. Не извиняйся. Сама виновата. Лучше отгони «Мазду» в ремонт, а вечером приезжай встретить меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.